

Н.В. ЛАТОВА

Средние специальные учебные заведения: журавль в небе или синица в руках?*

Анализ осуществляется на материалах проекта “Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации”. Информационную базу составили данные опроса студентов средних специальных учебных заведений (ссузов), готовящих квалифицированных рабочих и служащих, которые до 2013 г. входили в систему начального профессионального образования (НПО). В 2013 г. произошла формальная ликвидация этой системы, в настоящее время бывшие учащиеся НПО являются студентами ссузов. В то же время сохраняются различия между “низшими” ссузами (лицеями, профучилищами), в которые превратились образовательные организации бывшего НПО, и “высшими” ссузами. “Низшие” ссузы зачастую рекламируют себя как лучший путь к поступлению в вуз, поскольку после нескольких лет учебы студент ссуза может перевестись в вуз без вступительного экзамена. На самом деле основной контингент студентов “низших” ссузов – это молодые люди, в жизненные планы которых изначально, как правило, не входит получение высшего образования. Анализ социального происхождения этих студентов показал, что “низшие” ссузы в настоящее время выполняют в основном функции воспроизводства “рабочих династий”.

Ключевые слова: молодежь, образование, начальное профессиональное образование, подготовка квалифицированных рабочих и служащих, спрос на образовательные услуги, выбор профессии, ISCED 3, ISCED 4.

Начальное профессиональное образование, которого больше нет

В 2013 г. в отечественной системе постшкольного образования произошло событие, которое не вызвало широкого резонанса, хотя вполне его заслуживало: “скончалась” система начального профессионального образования. Слово “пэтэушник”, хорошо знакомое людям старших поколений, стало отныне таким же историческим анахронизмом, как “рабкор” или “комсомолец”.

Отмирание системы начального профессионального образования как самостоятельного звена постшкольной образовательной системы не привлекло особого внимания, поскольку эта система уже давно переживала кризис. Финальную точку поставил принятый в декабре 2012 г. Федеральный закон № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”, согласно которому в 2013 г. система начального профессионального образования должна была перейти в структуру среднего профессионального образования. В результате отечественные ПТУ “умерли”, не дожив буквально одного года до

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01985 “Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации”). Автор выражает глубокую благодарность Д. Константиновскому за ценные советы при подготовке статьи.

**Эволюция образовательных учреждений
начального профессионального образования в России XX–XXI вв.**

Периоды	Формы учебных заведений	Контингент учащихся
1920–1940 гг.	Школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ)	Молодежь 14–18 лет с начальным образованием
1940–1959 гг.	Ремесленные училища	Молодежь в возрасте 14–17 лет, как правило, с 7-летним образованием
1959–1992 гг.	Профессионально-технические училища (ПТУ)	Молодежь с, как правило, неполным (8–9 классов) средним образованием
1992–2013 гг.	Профессиональные училища и лицеи	Молодежь с неполным или полным средним образованием

своего 55-летия. Бывшие учащиеся НПО стали теперь студентами системы среднего профессионального образования. Чтобы лучше понять причины “смерти” ПТУ, есть смысл вспомнить, как эта система родилась и развивалась (см. табл. 1)¹.

Система начального специального образования – это порождение зрелой фазы промышленной революции, требовавшей от “простого” рабочего уже не только затрат физической силы, но и некоторого интеллекта. Эта система давала молодым людям, готовящимся “встать к станку”, такие специальные знания, без которых они были бы обречены лишь на малоквалифицированный труд. По мере повышения общих стандартов квалификационных знаний происходило и повышение требований к начальному профессиональному образованию.

Хотя элементы системы начального специального образования существовали и в дореволюционной России, в полном масштабе эта система развернулась только в СССР в период решения задач первичной индустриализации. Тогда стремление масс к образованию “снизу” удачно совпало со стремлением политической элиты быстро получить большое количество если не специалистов, то хотя бы элементарно квалифицированных работников для ускоренного наращивания промышленного (особенно военно-промышленного) потенциала.

С 1920 г. при крупных предприятиях стали создаваться школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ): срок обучения в них составлял три–четыре года, принималась молодежь 14–18 лет с начальным образованием, параллельно с профессиональным обучением велась общеобразовательная подготовка (включая элементарное обучение грамотности). Образовательная революция 1930-х гг. привела к тому, что в 1940 г. большинство школ ФЗУ были преобразованы в ремесленные училища, куда принималась молодежь в возрасте 14–17 лет, как правило, с семилетним образованием для обучения в течение двух-трех лет.

Собственная история системы ПТУ начинается в 1959 г., когда ремесленные училища превратились в профессионально-технические. Данная реформа была связана с реализацией принятого в декабре 1958 г. Закона СССР “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР”, который вводил всеобщее обязательное восьмилетнее образование. С утверждением в мае 1961 г. Положения “О профессионально-техническом училище РСФСР” завершилось формирование системы городских и сельских учреждений профессионально-технического образования, которая готовила квалифицированных рабочих из школьников с неполным (8–9 классов) средним образованием.

Периодом расцвета системы начального профессионального образования в СССР стали 1970-е гг., когда эта система, будучи одним из главных элементов социализации советской молодежи, считалась нормой постшкольного образования. Из школы в вузы тогда шли только самые способные (около 20% молодежи), основная же масса школь-

¹ Обзор эволюции российского начального профессионального образования см., например, в [Дереглазов 2006].

ников через систему профессионального образования (юноши – до или после службы в армии) вливалась в “рабочий класс” (более 50% молодежи). Обучение осуществлялось за государственный счет, учащиеся получали общежитие и стипендию, выпускник гарантированно обеспечивался рабочим местом по распределению.

Постепенная деградация советского начального профессионального образования связана в первую очередь с повышением стандартов профессиональных знаний и уровня жизни. К финалу советской истории сформировались качественные различия между элементарным начальным и более “продвинутом” средним профессиональным образованием, не говоря уже о высшем. Если в 1960-е гг. выпускник системы начального профессионального образования воспринимался как вполне соответствующий норме работник (например, Ю. Гагарин закончил ремесленное училище), то в 1980-е гг., хотя и продолжался по инерции рост численности учащихся НПО, но выпускник ПТУ выглядел “человеком второго сорта”. Уже в последнее советское десятилетие, несмотря на всю апологию физического труда, широко распространилось пренебрежительное отношение к нему, равно как и к людям, занятым на таких работах. Сами рабочие старались дать своим детям “чистые”, интеллектуальные профессии. Сложился стереотип, согласно которому в ПТУ поступают в основном трудные подростки и те, кому больше некуда идти, – сельская молодежь и горожане из малообеспеченных семей. Поскольку ПТУ трансформировались в “профобразование для бедных”, в интеллигентных семьях пугали нерадивых детей перспективой стать “пэтэушником”.

Таблица 2

Прием учащихся в учреждения начального профессионального образования, в средние специальные учебные заведения и в высшие учебные заведения

	1970 г.		1975 г.		1980 г.		1985 г.		1990 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Подготовка квалифицированных рабочих, служащих	1104	46	1337,0	49	1489	51	1527	51	1252	48
Подготовка специалистов среднего звена ²	780,4	32	816,3	30	817,6	28	829,4	28	754,1	29
Подготовка специалистов с высшим образованием (бакалавров, специалистов, магистров) ³	536,6	22	587,1	21	613,5	21	634,6	21	583,9	23
Всего	2421	100	2740,4	100	2920,1	100	2991	100	2590	100

	1995 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.		2014 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Подготовка квалифицированных рабочих, служащих	928	41	845	28	687,8	22	609,4	22	416,0	18
Подготовка специалистов среднего звена ²	668,9	29	867,2	29	854,1	27	705,3	26	673,0	30
Подготовка специалистов с высшим образованием (бакалавров, специалистов, магистров) ³	681,0	30	1292,5	43	1640,5	51	1399,5	52	1192,0	52
Всего	2277,9	100	3004,7	99	3182,4	100	2714,2	100	2281	100

Составлено по [Образование в Российской Федерации 2014, табл. 9.1.1, 9.2.1, 10.1.1; Российский статистический ежегодник 2003, табл. 8.22, 8.28, 8.39; Россия в цифрах 2015, табл. 8.7, 8.9, 8.11; Образование в Российской Федерации 2003, табл. 6.4.1].

² До 1995 г. численность принятых указывается только для государственных средних специальных учебных заведений.

³ До 1995 г. численность принятых указывается только для государственных высших учебных заведений.

С 1992 г. в соответствии с Законом РФ “Об образовании” № 3266-1 система профессионального образования рабочих стала именоваться начальным профессиональным образованием (НПО), а учебные заведения – профессиональными училищами (которые в быту продолжали называться ПТУ) и лицеями. Это переименование отражало, в частности, тот факт, что традиционные технические специализации становились все менее востребованными, поэтому система начального профессионального образования активно расширяла обучение за счет новых (“сервисных”, более престижных) профессий.

В 1990-е гг. система НПО (как и страна в целом) вошла в явный кризис. В соответствии с принятой в 1997 г. Концепцией реформирования системы начального профобразования количество учебных заведений начального профессионального образования в процессе укрупнения сократилось с 4,3 тыс. в 1990 г. до 3,9 тыс. в 2000 г., контингент учащихся – с 1,87 млн до 1,68 млн [Образование в России... 2003, с. 131, 246]. Чтобы понять, является ли данная ситуация результатом демографических изменений или более серьезных перемен в образовательной системе, взглянем на соотношение разных уровней образования: прием в учреждения НПО в 1990 г. составлял еще 48% от всей молодежи, принятой в этом году для получения профессионального образования, а в 2000 г. эта доля “обвалилась” до всего лишь 28% (см. табл. 2). При этом, согласно оценкам специалистов, основной контингент учебных заведений данного уровня образования составляли “подростки трудной судьбы” [Ткаченко 2010].

Парадокс в том, что резкая переориентация молодых людей с учебных заведений начального и среднего специального образования на вузы происходила на фоне временного снижения доходности типичных интеллектуальных профессий. Однако профессии физического труда в этот период тоже невысоко оплачивались. Самое главное, люди в глубине души отлично понимали, что малообразованный бизнесмен на “Мерседесе” – все-таки гораздо более редкое и временное явление, чем обеспеченный выпускник вуза. Интуитивно россияне принимали экономически грамотное решение: самые выгодные инвестиции – в человеческий капитал (прежде всего, в образование), даже если отдача станет заметна нескоро.

В соревновании с вузами и ссузами учреждения НПО безнадежно проигрывали: туда шли в первую очередь те, кому инвестировать было нечего. К тому же в результате кризиса фактически прекратилось прохождение учащимися НПО практики на производстве, мастера производственного обучения массово уходили на более высокооплачиваемые должности. Поэтому “профобразование для бедных” становилось еще и “бедным образованием”: учреждения НПО вбирали “нерадивых” школьников и выпускали слабо подготовленных работников, обреченных получать невысокую оплату и становиться первыми кандидатами на увольнение.

Выход России в начале 2000-х гг. из кризиса не привел к возрождению системы НПО. На протяжении всех последующих лет шло неуклонное сокращение и числа учебных заведений, и численности учащихся начального профессионального образования, которое лишь отчасти объяснялось “демографической ямой”. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что авторитет НПО низко упал в глазах и населения, и работодателей: начальное профобразование считалось непрестижным и малокачественным, поскольку социальной нормой становилось высшее образование. С другой стороны, по мере развития НТР производство все меньше нуждается в работниках “средне-низкой” квалификации. В России 2000–2010-х гг. к этому добавлялось влияние большого притока трудовых мигрантов, вытеснявших учащихся НПО из профессий с невысокой квалификацией и низкой оплатой труда.

Основным “приманивающим” фактором оставались относительно высокие гарантии трудоустройства: в начале 2000-х гг. по полученной профессии/специальности трудоустраивались примерно 80% выпускников учреждений начального профессионального образования, около 60% выпускников среднего профессионального образо-

вания, но лишь примерно 40% выпускников вузов [Новиков 2005, с. 163]⁴. Однако гарантии трудоустройства по “не очень” престижной и доходной профессии/специальности привлекательны главным образом для молодых людей из “низов”. Поэтому падение престижа НПО логично сопровождалось ростом среди учащихся этой системы различных маргиналов – например, детей без родителей (с 2,9% в 2000 г. до 8,7% в 2009 г.), лиц с ограниченными возможностями (с 1,7% в 2005 г. до 2,9% в 2009 г.) [Образование... 2012, с. 266]. Охват молодежи программами подготовки квалифицированных рабочих/служащих имел устойчивую тенденцию снижаться: если в 2006 г. по этим программам учились 23% молодых людей 15–17 лет, то к 2013 г. эта доля упала до 19,4% [Образование... 2012, с. 266; Образование... 2014, с. 300]; наиболее активное снижение отмечалось в начале 2010-х гг.

“Низшие” ссузы – “наследники” ПТУ

Таким образом, принятое в 2012 г. решение о слиянии начального и среднего профессионального образования (фактически – о вливании НПО в СПО) лишь ускорило естественный ход событий – постепенное отмирание НПО как рудимента советско-промышленной эпохи. В то же время следует отметить, что “смерть” системы начального профессионального образования – скорее формальная, чем реальная. Не случайно даже в самые последние годы в СМИ нередко можно встретить заголовки типа “Минобрнауки планирует реорганизовать ПТУ по западным стандартам” [Панов 2015]. В рамках современной системы среднего профессионального образования сохраняются существенные различия между высшим (колледжи, техникумы) и низшим уровнем (лицей, профессиональные училища и др.), хотя все эти учебные заведения стали одинаково называть ссузами (средними специальными училищами). В 2014 г. доля подготовки квалифицированных рабочих и служащих в системе профессионального образования составляла все еще 18% всех оканчивающих школу (то есть почти пятую часть). В дальнейшем я буду называть средние специальные учебные заведения, готовящие кадры квалифицированных рабочих и служащих, “низшими” ссузами.

Насколько система “низших” ссузов – бывших заведений НПО – уникальна в том виде, в котором она сейчас функционирует в России? Обратимся для сравнения к зарубежному опыту. В Международной стандартной классификации образования (МСКО или ISCED)⁵ и российской системе образования, представленной в статистических сборниках, выделим уровни в международном образовании, которые являются аналогами учебных заведений по подготовке квалифицированных рабочих и служащих: это – ISCED 3 (*Upper secondary education*) и ISCED 4 (*Post-secondary non-tertiary education*). Уровень ISCED 3 рассчитан на “завершение среднего образования, дающего подготовку к третичному образованию или обучению навыкам, позволяющим найти работу, либо обеспечивающего и то и другое” [Международная... 2013, с. 38]. ISCED 4 – это “последнее нетретичное образование, направленное на приобретение учебного опыта учащимися на базе среднего образования, на подготовку к выходу на рынок труда, а также на получение третичного образования” [Международная... 2013, с. 43]. Основываясь на этих определениях, современные российские учебные программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих соотносятся с международными стандартами трояким образом:

– в группах, в которых молодежь не получает среднего (полного) общего образования, а приобретает только трудовые навыки, программы относятся к ISCED 3 (обучение навыкам, позволяющим найти работу);

⁴ Впрочем, информация о трудоустройстве выпускников имеет весьма условную достоверность. В 2000-е гг. нередко бывало так, что профучилища направляли своих учащихся на практику на какое-либо предприятие и автоматически туда же давали им направления. Затем многие выпускники либо не шли туда работать (и предприятие не возражало), либо предприятие их не принимало; но профучилища благополучно отчитывались перед министерством о трудоустройстве выпускников.

⁵ Далее речь идет о последней версии классификатора ISCED 2011.

– программы на базе основного общего образования, то есть с получением среднего (полного) общего образования, попадают и на уровень ISCED 3 (получение среднего образования), и на уровень ISCED 4 (подготовка к выходу на рынок труда)⁶;

– программы, которые реализуются на базе 11-го класса, то есть на базе среднего (полного) общего образования, относятся к уровню ISCED 4.

С ориентацией первой категории все однозначно: эти программы не дают доступа к высшему образованию и, следовательно, предполагают после окончания обучения начало трудовой деятельности. Что касается второй и третьей категорий, то тут возможны разные точки зрения. Обе категории формально дают возможность учащимся продолжить образование в высших учебных заведениях. Поэтому необходимо определиться с тем, какова же все-таки основная задача этих “низших” ссузов.

В международном классификаторе есть пояснение по поводу сочетания ориентации на работу и ориентации на продолжение образования на уровне ISCED 4: “Обычно программы, относящиеся к этому уровню, рассчитаны на прямой выход на рынок труда. В некоторых системах образования на этом уровне существуют программы общего характера. Такие программы рассчитаны на учащихся, завершивших уровень ISCED 3, но желающих повысить шансы на поступление на программы третичного образования” [Международная... 2013, с. 43]. В России программы “низших” ссузов вряд ли можно отнести к имеющим общий характер. Следовательно, основная функция этого типа учебных заведений – подготовка к непосредственной трудовой деятельности.

В целом поверхностное сопоставление российской системы низшего уровня профессионального образования с международными аналогами не выявляет каких-либо противоречий. Однако, если обратить внимание на возрастной контингент российских и зарубежных учебных заведений, заметна следующая закономерность: на уровне ISCED 3 средний возраст заканчивающих программы обычного среднего общего образования по странам ОЭСР – 19 лет, а по программам, включающим профессиональные навыки, – 22 года [Education... 2014, p. 56]. При этом попасть на программы уровня ISCED 4 можно, только успешно завершив предыдущий уровень. Таким образом, в развитых странах средний возраст молодежи, пополняющей класс рабочих и служащих, – 20–22 года. В России же средний возраст студентов, заканчивающих “низшие” ссузы, – 17–18 лет, то есть на 3–4 года ниже.

Существенна ли такая разница? Согласно выводам OECD Economic Surveys, в России “начальный уровень в силу ранней специализации не обеспечивал усвоение необходимых умений” [Экономические... 2014, с. 120]. Именно в этом факте ОЭСР усмотрел причину того, что многие выпускники системы бывшего НПО не реализуют себя на рынке труда (что является основной целью программ ISCED 4), а стремятся продолжить образование уже в высших учебных заведениях.

Не вдаваясь в изучение того, какой возраст достаточен для получения профессиональных навыков, замечу, что, на мой взгляд, ситуация обстоит несколько сложнее. В конкуренции за абитуриентов ссузы очень часто изначально позиционируют свои программы обучения именно как ступеньку на пути к высшему образованию, причем в упрощенном виде (см., например, [Лазуткина 2015])⁷. Можно предположить, что при таком подходе данный уровень профессионального образования не выполняет своего главного экономического предназначения – воспроизводства рабочих кадров соответствующего профиля.

⁶ Аналогичная ситуация с охватом программами сразу двух уровней наблюдается довольно редко – например, в Казахстане (“Техническое и профессиональное образование по подготовке кадров по массовым профессиям технического и обслуживающего труда”) (см. [ISCED... 2015, p. 55]).

⁷ Вот пример одного типичного “завлекательного” текста: “Надо понимать, что без высшего образования сложно найти престижную работу. Даже в небольшую фирму требуется сотрудники с в/о. Конечно, уже имея профессию благодаря ссузу, трудоустроиться возможно, но вряд ли получится претендовать на руководящие должности. Начальники полагают, что без определенной корочки соискатель не может быть достаточно квалифицированным даже при наличии опыта и великолепных личностных качеств... И у выпускников ссузов, когда бы они ни поступали в высшее учебное заведение, есть ряд преимуществ перед обычными абитуриентами”.

Чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, проанализируем на основе данных проведенного в 2014 г. всероссийского опроса учащихся⁸: во-первых, какой контингент молодых людей заинтересован в данном типе учебных заведений и, во-вторых, какие жизненные планы хочет реализовать эта молодежь посредством обучения в “низших” ссузах.

Приток учащихся в “низшие” ссузы: потомственный “рабочий класс”

Как указывалось ранее, несмотря на общую тенденцию к сокращению контингента учащихся системы подготовки рабочих кадров, даже сейчас через нее проходит почти каждый пятый молодой человек. Кто же эти молодые люди, предпочитающие именно такую систему образования, и почему они ее предпочитают? На основании данных общероссийской статистики и данных нашего проекта можно выделить следующие социальные характеристики “портрета” современного студента учебных заведений, готовящих квалифицированные рабочие кадры.

1. **Гендерная** структура учащихся характеризуется повышенной маскулинизацией. В то время как в школах соотношение полов составляет почти один к одному, в учебных заведениях по подготовке рабочих кадров на долю девушек приходится лишь треть, причем эта доля в 2000-е гг. существенно упала (с 38,2% в 2000 г. до 32,3% в 2010 г. и в 2013 г. [Образование... 2014, с. 301]⁹). Такая маскулинизация отражает сохраняющееся преобладание в системе “низших” ссузов технических профессий/специальностей, которое в постсоветский период даже усилилось (отрасли легкой промышленности, где чаще работали женщины, сокращались в большей степени).

2. По **имущественному** положению семьи учащихся, судя по результатам опроса в рамках данного проекта, относятся в основном к средней и нижней части социальной пирамиды российского общества. Чаще всего (42%) встречаются те, кому *“доходы позволяют нормально питаться, одеваться и даже покупать некоторые товары длительного пользования (бытовую, аудио-, видеотехнику), но на более дорогие товары приходится копить”*. Это, скорее всего, – низшая часть средних слоев (*“покупка многих товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако крупный ремонт дома или дорогостоящий отдых не могут себе позволить”* – 22%) среди семей учащихся представлена почти так же, как откровенно низшие слои (*“денег хватает только на необходимое”* и *“денег не хватает даже на необходимое”* – 21%).

3. При анализе **образовательного** уровня и **профессионального** статуса семей учащихся “низших” ссузов применялось агрегирование в группы, где статус опреде-

---

⁸ Исследование проведено в сентябре–октябре 2014 г. Кроме региональных квот, в выборке при исследовании учащихся учреждений НПО (510 учащихся последнего года обучения) также учитывались статистические пропорции численности учащихся образовательных учреждений. Контингент обучающихся в профессиональных училищах делится на три группы по уровню образования. Две группы включают тех, кто обучаются на базе среднего (полного) общего образования (66,5 тыс. человек в 2012–2013 гг., то есть 8,9% от общей численности обучающихся очно), и тех, кто обучаются на отделениях на базе основного общего образования с получением его в ходе профессионального обучения, в том числе и среднего общего образования (626,2 тыс. человек в 2012–2013 гг., то есть 83,6%). Третья группа включает студентов, во время профессионального обучения не получающих среднего (полного) общего образования, – 55,9 тыс. человек в 2012–2013 гг., то есть 7,5%. Доля учащихся профессиональных училищ, подлежащих опросу в обследуемых субъектах РФ (последний курс), соотносена с приведенными статистическими показателями по учащимся последнего года обучения дневных отделений.

⁹ В выборке респондентов опроса, организованного участниками данного проекта, эта маскулинизация заметна слабее – девушки составляли 44,5%. Далее статистика приводится исключительно по данным опроса.

Социальное происхождение студентов “низших” ссузов (обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих) (в %)

Социальное происхождение	Доля студентов
Дети руководителей (директор, главный инженер, начальник отдела и т.п.)	11
Дети предпринимателей	11
Дети специалистов – лиц высококвалифицированного умственного труда, имеющих высшее образование, не занимающих руководящие должности (преподаватель, врач, инженер и др.)	10
Дети служащих – работников преимущественно умственного труда, не выполняющих управленческих функций, имеющих среднее специальное образование (техник, секретарь, медсестра и т.п.)	28
Дети рабочих и работников сельского хозяйства — лиц преимущественно физического труда, не требующего высокого уровня образования и не связанного с управлением	29
Дети родителей, ведущих домашнее хозяйство	6
Не ответили	6

лялся положением родителей учащихся сразу по двум критериям – по характеру труда родителей и по уровню их образования (см. табл. 3)¹⁰.

Анализ агрегированных групп показывает, что учащиеся “низших” ссузов – это, как правило, выходцы из семей потомственных рабочих/служащих. У 57% учащихся родители – промышленные или сельскохозяйственные рабочие либо служащие со средним специальным образованием. Дети из семей специалистов, руководителей и предпринимателей встречаются гораздо реже – не более трети учащихся. При этом необходимо учитывать, что в семьях руководителей и предпринимателей высшее образование хотя бы у одного родителя встречается только в 59% семей, то есть в 40% случаев реальный статус этих семей, скорее всего, ближе к семьям служащих, имеющих среднее специальное образование. Наконец, у 6% детей родители вообще не работают: в анкетах было указано, что оба родителя либо единственный родитель (для неполных семей) занимаются ведением домашнего хозяйства. Детей из семей, составляющих несомненное ядро среднего класса¹¹, в данном типе учебных заведений не более 20%.

Даже если не брать в расчет реальный статус семьи, то хотя бы и родитель с высшим образованием имеется только у 28% учащихся. Большинство же студентов “низших” ссузов происходят из семей, где родители тоже имели только среднее специальное или даже среднее общее образование. Таким образом, в этих учебных заведениях наблюдается воспроизводство людей с образованием не выше среднего.

Итак, типичный современный учащийся “низшего” ссуза (лицея, профучилища) – это молодой (порядка 18-ти лет) юноша из небогатой семьи, где родители тоже были “средне-образованными” и трудились рядовыми рабочими/служащими. Он принадлежит к тому социальному слою, который в советский период называли “рабочими династиями”. Этот вывод подтверждают заключения, сделанные на материалах анализа

¹⁰ Отнесение школьника к той или иной группе означает, что оба или по крайней мере один из родителей обладают указанными признаками. При этом определяющим принималось социальное положение того из родителей, чей социальный статус выше (например, для семьи, где один родитель – преподаватель вуза с высшим образованием, а другой – лаборант со средним специальным образованием, информация о ребенке кодировалась как о выходеце из семьи специалистов). В то же время в спорных случаях уделялось особое внимание уровню образования родителей. Например, если в анкете указано, что оба родителя занимают должность специалистов с высшим образованием, но при этом реальный уровень их образования был не выше среднего, то реальный статус семьи трактовался как семья служащих, имеющих среднее специальное образование.

¹¹ О критериях принадлежности к среднему классу см., например, [Тихонова, Мареева 2009].

Факторы выбора профессии будущими рабочими и служащими
(в %, допускалось до трех ответов)

Факторы выбора профессии	Студенты по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	Студенты по программам подготовки специалистов с высшим образованием
Советы родителей, их пример	47	45
Советы, пример братьев и сестер	10	9
Учителя школы	6	12
Друзья и сверстники	27	16
Жизненный опыт более взрослых знакомых	25	26
Информация из Интернета и СМИ	6	32
Представители (или преподаватели) учебного заведения	9	13
Другое	16	1

образовательных устремлений школьников: те, кто планируют поступать после школы в профессиональные училища, сильно отличаются от одноклассников, ориентированных на учебу в вузах, – это обычно выходцы из семей с невысоким статусом (и нередко из неполных семей), материально не слишком обеспеченных и имеющих не лучшие показатели успеваемости (см., например, [Константиновский, Вознесенская, Чердениченко 2014]).

Определив контингент учебных заведений по подготовке квалифицированных рабочих и служащих, рассмотрим ответы учащихся “низших” ссузов на анкетные вопросы о том, что определило их выбор траектории образовательного поведения. Этот выбор имеет два аспекта – с одной стороны, выбор специальности/профессии, а с другой – выбор типа учебного заведения.

На вопрос анкеты “Почему вы решили учиться в этом учебном заведении?” студенты чаще всего (54%) отмечали пункт, что “профессия, которую выбрали, требует образования, которое здесь можно получить”. Такой ответ содержит переадресацию: чтобы понять выбор именно “низшего” ссуза, надо понять мотивы выбора профессии, которой можно научиться именно в таком учебном заведении. Существенно реже (19%) выбирали прагматичный ответ “нужно поскорее начать зарабатывать на жизнь”. Третий по значению мотив связан с ориентацией на учебу в вузе: 7% считают, что “после этого учебного заведения легче поступить в вуз”, и еще 8% признались, что вообще-то они “хотели бы поступить в вуз, но пришлось изменить планы”. Наконец, 7% выбрали ответ, что вообще “это не их решение”.

Рассмотрим теперь факторы выбора профессии, которые существенно проясняют мотивы выбора учебы именно в “низшем” ссузе (см. табл. 4). Обнаруживается, что в эти учебные заведения (как, впрочем, и в вузы) поступают главным образом под влиянием родных и близких. На анкетный вопрос, “что или кто повлияли на вас при выборе данной специальности (профессии)?” чаще всего (47%) выбирали ответ “советы родителей, их пример”. Очень большое значение в выборе “простых” рабочих профессий имеют также “друзья и сверстники” (27%) и “жизненный опыт более взрослых знакомых” (25%). Прочие факторы – влияние школьных учителей (6%), информации из Интернета и СМИ (6%), представителей самих ссузов (9%) – оказываются гораздо менее значимыми.

Отмечу интересную закономерность, которая видна при сопоставлении данных по студентам из “низших” ссузов и студентов, обучающихся в высших учебных заведениях. Для студентов высшей ступени образования характерна сильная ориентация на информацию, полученную из источников, не относящихся к непосредственному

Мотивы выбора профессии будущими рабочими и служащими
(в %, допускалось до трех ответов)*

Мотивы выбора профессии	Доля студентов
<i>Мотивы самореализации (индивидуально-идеалистические мотивы)</i>	
Эта специальность (профессия) мне интересна	66
Эта специальность престижна	17
Полное совпадение моих способностей, наклонностей с характером выбранной специальности	11
<i>Мотивы личной выгоды (индивидуально-прагматические)</i>	
Работа по этой специальности высоко оплачивается	29
С этой специальностью можно сделать хорошую карьеру	16
С этой специальностью легко устроиться на работу в нашей стране	19
Владея этой специальностью (профессией), легче уехать на работу за рубеж	3
<i>Мотивы ориентации на группу (коллективистские)</i>	
Работая по этой специальности, я смогу приносить пользу своей стране, обществу	16
Это семейная традиция	5
<i>Прочие мотивы</i>	
Для этой профессии не нужны особые знания	5
Это наиболее подходящий путь в самостоятельную жизнь	12

* Расчет производился среди всех опрошенных студентов, которым выбранная ими специальность казалась привлекательной.

окружению молодежи: 32% студентов вузов отметили, что на выбор ими профессии оказала влияние информация из Интернета и СМИ (среди студентов “низших” ссузов на это указали лишь 6%).

Следует констатировать, что студенты, обучающиеся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, сильнее подвержены влиянию ближнего окружения, чем студенты, ориентированные на получение высшего образования. Таким образом, в “низшие” ссузы идут в основном молодые люди, более или менее сознательно подстраивающие свою жизнь под ту социальную среду, в которой они родились. Этот вывод интересен тем, что в косвенной форме подтверждает предположение, что молодые люди, желающие получить низший уровень профессионального образования, скорее идут в “низшие” ссузы под влиянием сложившихся в обществе стереотипов о данном типе учебных заведений, чем зная о новых маркетинговых преобразованиях, связанных с переориентацией на дальнейшее продолжение обучения в вузах, которые широко распространены именно в Интернете.

Почему же эти молодые люди предпочитают повторять жизненную траекторию своих родителей и старших знакомых? Рассмотрим ответы наших респондентов на вопрос, “*чем вас привлекает эта специальность или профессия?*” (см. табл. 5). Поскольку молодые люди обычно делают выбор своей траектории образовательного поведения под влиянием “клубка” разных мотивов, респондентам давали возможность выбирать несколько (но не более трех) вариантов ответа.

Чаще всего, как почти у всех категорий учащейся постшкольной молодежи, студенты выбирали тривиальное “*Эта специальность (профессия) интересна*” (66%). Строго говоря, здесь мы имеем не ответ, а уход от ответа: респондент констатирует, что ему нравится выбранная им специальность/профессия, но не может (если выбирает только такой ответ) четко сформулировать, чем же именно она ему нравится.

Поэтому более важны другие – содержательные – ответы, которые объясняют, чем же именно интересна выбранная профессия будущим рабочим и служащим.

Содержательные ответы учащиеся “низших” ссузов о мотивах выбора будущей профессии показывают, что эти молодые люди, как правило, ориентированы довольно прагматично. В первую очередь, их волнует будущий заработок (29%) и в определенной степени возможность трудоустройства по выбранной специальности (19%). Такие популярные среди молодежи мотивы, как “престижность работы” и “возможности карьерного роста”, в среде будущих рабочих и служащих оказались не сильно востребованными. Видимо, сказывается опыт жизни родителей и старших товарищей этих молодых людей, которые под влиянием своего социального окружения не строят “воздушных замков” и понимают, что впереди их ожидают обычные рабочие будни. Они реально оценивают то образование, которое получают и которое даст им возможность вести самостоятельную жизнь, но вряд ли продвинет их по социальной лестнице выше родителей.

Анализ притока учащихся в “низшие” ссузы позволяет сделать вывод, что в постсоветской России они останутся (как ПТУ в СССР) элементом системы воспроизводства “рабочих династий”, когда дети (в первую очередь, юноши) приходят на смену родителям “у станка”¹². Это молодые люди, сильно ориентированные на свою социальную среду. При этом лишь примерно 15% студентов “низших” ссузов – “вузоискатели”, то есть либо желающие поступать в вуз, либо пытавшиеся туда поступить, но неудачно. Остальные 85% студентов “низших” ссузов вовсе не стремятся в вузы: они хотят (или, по крайней мере, демонстрируют желание) идти работать и зарабатывать, а вовсе не “учиться, учиться и учиться”.

Итак, изучение образовательного поведения молодых людей, заинтересованных в образовании по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, позволяет сделать одно важное критическое замечание по поводу типичных приемов привлечения школьников в такие учебные заведения. Беглого поиска в Интернете достаточно, чтобы увидеть многочисленные “завлекательные” тексты, “информирующие” школьников, что нет лучшей дороги в вуз, чем поступление после школы в ссуз. Ранее было указано, что основная функция “низших” ссузов – подготовка к трудовой деятельности. Можно было бы предположить, что такого рода функция устарела в новых экономических реалиях и уже не поддерживается спросом на подобное образование. Однако, как показывает наше исследование, это предположение ошибочно: в России есть еще немало молодых людей, сознательно избегающих вузов. Таким образом, “низшие” ссузы, уделяя в рекламе своих услуг много внимания возможности последующего повышения образовательного уровня, возможно, забывают о своей непосредственной задаче, – подготовке квалифицированных рабочих и служащих¹³. Образно выражаясь, учащиеся интересуют в первую очередь “синица в руках”, а учебное заведение настойчиво предлагает им “журавля в небе”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дереглазов Н.А. (2006) История становления и развития системы начального профессионального образования России. Автореф. дисс... к.и.н. Воронеж.

Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чердниченко Г.А. (2014) Молодежь России на рубеже XX–XXI вв.: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ.

¹² Это наблюдение совпадает с более общими выводами о воспроизводстве современного рабочего класса о том, что “вероятность выбора рабочей профессии в большой степени предопределена происхождением *из рабочей среды*, то есть принадлежностью отца или матери, а часто и обоих родителей к рабочим, а также связью обоих родителей с производственным сектором труда” [Чердниченко 2011, с. 103].

¹³ Аналогичные предположения о том, что система начального уровня профессионального образования не выполняет своего экономического предназначения (воспроизводства кадров соответствующего профиля) и функционирует в конечном счете как социальная база пополнения высшего образования были сделаны в [Кочетов 2011].

Кочетов А.Н. (2011) Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия // Социологические исследования. № 5. С. 82–90.

Лазуткина Д. (2015) Куда пойти учиться после колледжа? (<http://ami-map.ru/news/obrazovanie/277-college-news.html>).

Международная стандартная классификация образования МСКО 2011 (2013) Монреаль: Институт статистики ЮНЕСКО.

Новиков А.М. (2005) Развитие отечественного образования. Полемиические размышления. М.: Издательство “Эгвес”.

Образование в России. 2003 (2003) М.: Госкомстат России.

Образование в Российской Федерации. Статистический сборник (2003) М.: ЦИСН.

Образование в Российской Федерации: 2012: статистический сборник. (2012) М.: НИУ ВШЭ.

Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник (2014) М.: НИУ ВШЭ.

Панов П. (2015) Минобрнауки планирует реорганизовать ПТУ по западным стандартам (<http://izvestia.ru/news/564468>).

Российский статистический ежегодник. 2003 (2003) М.: Госкомстат России.

Россия в цифрах. 2015 (2015) М.: Росстат.

Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009) Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М.

Ткаченко Е.В. (2010) О возможности, необходимости и неизбежности интеграции начального и среднего профессионального образования России // Педагогический журнал Башкортостана. № 4. С. 12–26.

Чередниченко Г.А. (2011) Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социологические исследования. № 9. С. 101–110.

Экономические обзоры ОЭСР. Российская Федерация 2013. (2014) ОЭСР.

Education at a Glance 2014: OECD Indicators. (2014) OECD Publishing.

ISCED 2011 (2015) Operational Manual Guidelines for classifying national education programmers and related qualifications. OECD, European Union, UNESCO–UIS.

The Function of Educational Institution on Vocational Training Workers and Employees: a Feather in the Hand or a Bird in the Air?

N. LATOVA*

* **Latova Nataliya** – candidate of sciences (Sociology), senior research assistant, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5. Krzhizhanovskogo st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: myshona@rambler.ru.

Abstract

The carried out analysis is based on the materials of the project “Education, labor market and social behavior of youth in modern economic situation”. In this article the data of students of average special educational institutions are analyzed. These institutions train skilled workers and employees. Till 2013 they entered the primary professional education (PPE). In 2013 there was a formal liquidation of this system. Now the former students of PPE are students of the “lowest” average special educational institutions (lyceums and professional schools). These educational institutions often advertise themselves as the best way to get the higher education without any exams after graduating from these institutions. But actually the most students are young people who didn’t plan to receive the higher education. Nowadays such educational institutions carry out the functions of working class reproduction.

Keywords: youth, education, employment, ISCED 3, ISCED 4, primary professional education, training skilled workers and employees, demand of educational services, choice of profession.

REFERENCES

- Dereglazov N.A. (2006) *Istoriya stanovleniya i razvitiya sistemy nachal'nogo professional'nogo obrazovaniya Rossii* [The history of formation and development the system of primary professional education in Russia]. Avtoref. diss... k.i.n. Voronezh.
- Konstantinovskij D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. (2014) *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vv.: obrazovanie, trud, social'noe samochuvstvie* [Russian youth at the turn of XX–XXI centuries: education, employment, social well-being]. Moscow: CSPiM.
- Kochetov A.N. (2011) Professional'noe obrazovanie i rynek truda: problemy vzaimodejstviya [Professional education and labor market: interaction issues]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 82–90.
- Lazutkina D. *Kuda pojti uchit'sya posle kolledzha?* [Where should the students study after graduating from college] [Elektronnyj resurs]. Akademicheskij mezhdunarodnyj institut (<http://ami-map.ru/news/obrazovanie/277-college-news.html>).
- Mezhdunarodnaya standartnaya klassifikaciya obrazovaniya MSKO 2011 (2013) Monreal': Institut Statistiki UNESCO. [International Standard Classification of Education ISCED 2011. Monreal: UNESCO, 2013]
- Novikov A.M. (2005) *Razvitie otechestvennogo obrazovaniya. Polemicheskie razmyshleniya* [The development of education in Russia. Polemic reflections]. Moscow: "Egves".
- Obrazovanie v Rossii. 2003 [Education in the Russia. 2003] (2003) Moscow: Goskomstat Rossii.
- Obrazovanie v Rossijskoj Federacii. Statisticheskij sbornik [Education in the Russian Federation: Statistical Collection] (2003) Moscow: CISON.
- Obrazovanie v Rossijskoj Federacii: 2012: statisticheskij sbornik [Education in the Russian Federation: 2012: Statistical Collection] (2012) Moscow: NIUVSE.
- Obrazovanie v Rossijskoj Federacii: 2014: statisticheskij sbornik [Education in the Russian Federation: 2014: Statistical Collection] (2014) Moscow: NIUVSE.
- Panov P. (2014) Minobrnauki planiruet reorganizovat' PTU po zapadnym standartam [The Ministry of Education and Science plans to reorganize technical training college according to the western standards] [Elektronnyj resurs]. *Izvestiya*. 24 yanvarya (<http://izvestia.ru/news/564468>).
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik [Statistical Yearbook of Russia]. 2003 (2003) Moscow: Goskomstat Rossii.
- Rossiya v tsifrah 2015 (2015) [Russia in figures 2015] Moscow: Rosstat.
- Tihonova N.E., Mareeva S.V. (2009) *Srednij klass: teoriya i real'nost'* [Middle Class: Theory and Reality]. Moscow: Al'fa-M.
- Tkachenko E.V. (2010) O vozmozhnosti, neobходимosti i neizbezhnosti integracii nachal'nogo i srednego professional'nogo obrazovaniya Rossii [About possibility, necessity and inevitability of integration of initial and average vocational training of Russia]. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*, no. 4 pp. 12–26.
- Cherednichenko G.A. (2011) Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rabochej molodezhi [Educational and professional trajectories of workers youth]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 101–110.
- Ekonomicheskie obzory OESR. Rossijskaya Federaciya 2013. OESR, 2014 [OECD Economic Surveys: Russian Federation 2013. OECD, 2014]
- Education at a Glance 2014: OECD Indicators (2014) OECD Publishing.
- ISCED (2015) 2011 Operational Manual Guidelines for classifying national education programmers and related qualifications. OECD, European Union, UNESCO–UIS.